

Научная статья

УДК 342.2

DOI: 10.22394/1682-2358-2025-1-45-59

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Андрей Андреевич МАКОВСКИЙ

Псковский государственный университет,

Псков, Россия,

aamakovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5505-3295>

Аннотация. В статье рассматривается проблематика защиты государственных и национальных интересов Российской Федерации в религиозной сфере. На основе научных концепций постсекулярности и защиты государственного суверенитета автор исследует тенденцию по выделению «отраслевого» суверенитета в религиозной сфере. Анализируются такие дефиниции, как «духовный суверенитет», «религиозный суверенитет», религиозный аспект государственного суверенитета. Последнее выделяется как наиболее верное теоретическое толкование возможности государства защиты своих интересов в религиозной сфере. Религиозный аспект государственного суверенитета России является одним из ключевых факторов в современной действительности страны, который подвергается политизации. Результаты исследования являются концептуальной проработкой проблематики. Автором выработаны рекомендации в сфере совершенствования государственно-конфессиональных отношений. Предлагается активизировать механизм социального партнерства в области развития международных религиозных институтов для формирования религиозно-правовых гарантий государственного суверенитета.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозный суверенитет, духовный суверенитет, религиозный элемент государственного суверенитета, государственная национальная политика.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Маковский А.А. Государственный суверенитет России: политико-религиозный аспект // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 1. С. 45–59. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-1-45-59>

© Маковский А.А., 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

RUSSIAN STATE SOVEREIGNTY: POLITICAL-RELIGIOUS ASPECT

Andrey A. MAKOVSKY

*Pskov State University,
Pskov, Russia,*

aamakovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5505-3295>

Abstract. The article examines the problems of protecting the state and national interests of the Russian Federation in the religious sphere. Based on the scientific concepts of post-secularity and protection of state sovereignty, the author explores the tendency to highlight “sectoral” sovereignty in the religious sphere. Such definitions as “spiritual sovereignty”, “religious sovereignty”, and the religious aspect of state sovereignty are analyzed. The latter stands out as the most correct theoretical interpretation of the state’s ability to protect its interests in the religious sphere. The religious aspect of Russia’s state sovereignty is one of the key factors in the modern political reality of the country, which is being politicized. The results of the study are a conceptual elaboration of the problem. The author elaborates recommendations in the field of improving state-confessional relations. It is proposed to activate the mechanism of social partnership in the development of international religious institutions for the formation of religious-legal guarantees of state sovereignty.

Keywords: state-confessional relations, religious sovereignty, spiritual sovereignty, religious element of state sovereignty, state national policy.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: *Makovsky, A.A.* Russian State Sovereignty: Political-Religious Aspect // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25, № 1. P. 45–59. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-1-45-59>

Введение. Общественно-политические потрясения конца XX в., крах коммунистической системы и идентичности «советского человека» обусловили в российском обществе интерес к конфессиональным проблемам, а также обрядам и культам. В обществе наметилось интуитивное стремление к замене государственной идеологии на религиозную, что усугублялось ростом социальной напряженности, боевыми действиями, ценностными поисками.

Духовное пространство России начало расширяться, охватывая не только традиционные религии [1, с. 56], но и новые религиозные течения, в том числе экстремистского и псевдорелигиозного толка, что вызвало необходимость трансформации российского законодательства, включая внесение в Конституцию РФ и федеральное законодательство изменений, направленных на обеспечение национальной безопасности и государственного суверенитета Российской Федерации как на ее территории, так и за пределами. В результате религиозный элемент был инкорпорирован в состав государственного суверенитета, а вопросы обеспечения свободы совести и вероисповедания стали факторами национальной безопасности. При этом в отечественной науке нет концептуального единства теоретико-правовых взглядов относительно данного явления.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения отечественных исследований по вопросу выделения понятия «религиозный суверенитет» в особую теоретико-правовую категорию, а также выявления природы и сущности религиозного аспекта в структуре государственного суверенитета на фоне российских религиозно-политических реалий.

Основой методологии послужил постсекулярный подход Ю. Хабермаса, при котором возвращение религии в публичную плоскость рассматривается через общественно-политические противоречия и влияние на политический процесс [2, с. 4]. Используется также неоинституциональный подход к анализу политических практик и политизации религии. Цивилизационный подход применяется при построении теоретического конструкта в значении «религиозный суверенитет» для государства как цивилизационной модели. Защита суверенитета государства от внешних угроз и вмешательства становится первостепенной задачей, так как он не только обеспечивает независимость страны, но и служит основой для развития и процветания национальной экономики, культуры и социальной сферы.

Отечественная концепция государственного суверенитета. В качестве фундаментального понятия суверенитет — это основополагающее политическое явление, которое представляет собой верховенство власти над определенной территорией. А.А. Мустафин в политическом словаре дает следующие определения суверенитету: государственный суверенитет — независимость государства во внешней сфере и верховенство государственной власти внутри страны; национальный суверенитет — полномочия нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни [3, с. 70].

Концепция защиты государственного суверенитета, разработанная В.В. Красинским, позволяет рассматривать государственный суверенитет как фундаментальный элемент национальной безопасности. По мнению российского правоведа, очевидна взаимосвязь между государственной властью и государственным суверенитетом. Так, государственная власть отделена от общества и распространяется на всех его членов и реализуется аппаратом управления и принуждения. Отсюда возникает свойство государства — суверенитет. Исходя из традиционного понимания категории государственного суверенитета, исследователь отмечает, что наряду с верховенством в конструкции суверенной государственной власти входит и ее независимость, которая понимается как возможность государства самостоятельно решать свои внутренние и внешние задачи и выполнять необходимые функции. Следовательно, государственный суверенитет непосредственно выражает сущность государственной власти через ее суверенные свойства — верховенство и независимость [4].

Обычно в структуре государственного суверенитета выделяют две его разновидности — внутренний и внешний суверенитет [5].

Внутренний суверенитет государства относится к его способности управлять внутренними делами, принимать законы, регулировать экономику, осуществлять правосудие, обеспечивать безопасность граждан, в том числе и религиозную, без внешнего вмешательства или давления со стороны других государств или международных организаций [6, с. 20].

Исходя из анализа Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», следует отметить, что значение внутреннего суверенитета заключается в нескольких положениях [7]. Во-первых, внутренний суверенитет обеспечивает государственную независимость и автономию, позволяя государству развивать собственные политические, экономические и религиозные системы. Во-вторых, возможность государства самостоятельно принимать решения и управлять своими внутренними делами укрепляет его легитимность и авторитет перед населением. В-третьих, эффективное осуществление внутреннего суверенитета способствует поддержанию стабильности и безопасности внутри страны, что является ключевым условием для развития и процветания общества. В-четвертых, внутренний суверенитет благоприятствует формированию социальной солидарности и общественного единства, обеспечивая гармоничное взаимодействие между различными народами и группами верующих.

Внешний государственный суверенитет представляет собой право государства на самостоятельное определение своей внешней политики,

установление отношений с другими государствами и международными организациями, а также защиту своих интересов на мировой арене без давления или вмешательства со стороны других государств или субъектов международного сообщества.

Внешний государственный суверенитет обеспечивает независимость и автономию государства в международных отношениях, позволяя ему самостоятельно определять свои внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты [8, с. 45]. Все государства признаются суверенными и равными в международном праве, что подчеркивает важность защиты и уважения их внешнего суверенитета [9].

Исследователи обычно выделяют три вида суверенитета: государственный, народный и национальный [10]. Помимо этого, различают также виды суверенитета по уровню государственной независимости [11].

Полный суверенитет означает абсолютный контроль государства над своими внутренними и внешними делами без каких-либо ограничений со стороны других государств или международных организаций. Государство имеет право принимать самостоятельные решения во всех областях и не зависит от внешних акторов. Укрепление полного суверенитета — главная задача Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [12].

В случае *ограниченного суверенитета* государство сохраняет определенную степень автономии и независимости, но оно связано в своих действиях некоторыми внешними факторами — например, международными договорами, экономическими или военными союзами (страны Евросоюза).

Поделенный суверенитет означает, что несколько государств соглашаются на общее управление определенными областями своих внутренних или внешних дел. Такие государства могут создавать международные организации или союзы для совместного решения общих проблем (например, страны Прибалтики).

В результате *потерянного суверенитета* государство рискует полностью лишиться своего суверенитета и стать частью другого государства или международной структуры без возможности принятия независимых решений.

Вид государственного суверенитета может меняться в зависимости от времени, контекста и внешних обстоятельств и нередко является предметом политических дискуссий и соглашений между государствами (например, Украина после 2014 г.) [13].

Проблема концептуализации понятий «религиозный суверенитет» и «духовный суверенитет». В современных условиях на-

метилась тенденция к отраслевой классификации видов суверенитета, что проявляется прежде всего в экономической сфере. Например, в 2022 г. в Российской Федерации делался акцент на значимость технологического суверенитета как часть экономики, обеспечивающей национальную безопасность и стабильность верховной власти [14]. С этой целью Правительство РФ утвердило перечень приоритетных отраслей технологического суверенитета: авиационную, медицинскую, станкоинструментальную, химическую промышленности, нефтегазовое, сельскохозяйственное, железнодорожное, специализированное машиностроение, автомобилестроение, судостроение, фармацевтику, электронику, энергетику [15].

Обозначенная тенденция получила свое закрепление в научном дискурсе: российские исследователи пришли к выводу, что технологический суверенитет — это способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также возможность самостоятельно разрабатывать их или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости [16, с. 12]. Для этого необходимо юридическое закрепление дефиниции государственного суверенитета, ее теоретизация в нормативных документах, программах, стратегиях и применение на практике.

По аналогии с технологическим (экономическим) суверенитетом в практику политического управления постепенно входит понятие «религиозный суверенитет» как следствие его отражения в нормативно-правовых актах для обеспечения национальной безопасности и верховенства власти и независимости на территории России и за ее пределами.

В науке встречается также термин «духовный суверенитет». Например, К.Г. Байдилов раскрывает категорию «личный духовный суверенитет», который представляет собой внутреннюю сферу самоопределения человека, самостоятельный потенциал духовности. Он проявляется в способности индивида строить, применять и защищать свою систему ценностей в повседневной деятельности [17, с. 37]. Действительно, духовный и религиозный суверенитет являются различными, но взаимосвязанными концептами, которые могут иметь разное значение в зависимости от контекста [18, с. 15].

Исходя из понимания государственного суверенитета в отечественной науке и по методу аналогии, можно предположить, что как теоретический конструкт религиозный суверенитет — это право государства или религиозной организации самостоятельно управлять религиозными делами внутри своих границ, исключая внешнее вмешательство. Такой

суверенитет означает свободу вероисповедания, создания религиозных общин и проведения религиозных обрядов без давления со стороны других государств или религиозных групп.

Духовный суверенитет — более широкое понятие, которое может включать в себя не только религиозные аспекты, но и общие принципы духовной жизни (убеждения, ценности и смысл существования). Данный вид суверенитета относится к праву индивида или группы индивидов на свободу духовного развития и самоопределения вне зависимости от религиозных верований.

Согласно религиозным традициям, духовный и религиозный суверенитеты тесно взаимосвязаны между собой. Действительно, вера и религия способны играть огромную роль в формировании духовного самосознания и определять духовные практики и убеждения. При этом религиозный суверенитет может быть одним из аспектов духовного суверенитета, но не единственным. Важным аспектом как духовного, так и религиозного суверенитета является уважение к свободе вероисповедания и духовной практике каждого человека или группы. Это предполагает не только право на свободу выбора религии, но и принятие чужих убеждений и традиций [19, с. 28].

В целом духовный и религиозный суверенитеты могут рассматриваться как взаимосвязанные, но различные аспекты человеческой свободы и самоопределения, которые взаимно дополняют друг друга и играют важную роль в формировании личности и общества.

В российской научной литературе дефиниция «религиозный суверенитет» не концептуализирована. Не прорабатывалась она и в нормативных документах Государственной Думы ФС РФ, Совета Федерации и региональных парламентов.

В иностранных источниках, таких как *Journal for the Scientific Study of Religion* [20], *Religion, State and Society* [21], *Politics and Religion* [22], религиозный элемент суверенитета рассматривается как аспект государственного суверенитета, а не как отдельный отраслевой вид. Зарубежные организации, в частности, Американский фонд защиты гражданских свобод [23], Центр за религиозную свободу (Center for Religious Liberty) [24], Международный институт свободы вероисповедания [25], также не используют самостоятельную дефиницию духовного или религиозного суверенитета государства. Так, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Р. Лункина обоснованно выделяет в структуре государственного суверенитета религиозный аспект [26]. На современном этапе нет предпосылок к юридическому оформлению особой категориальной дефиниции.

Под религиозным аспектом государственного суверенитета обычно подразумевается ряд важных особенностей:

— во-первых, полное самостоятельное управление страной в сфере религии без внешнего вмешательства, то есть право государства определять собственную религиозную политику, устанавливать отношения между религиозными группами и государством, а также регулировать религиозную деятельность внутри своих границ;

— во-вторых, свобода вероисповедания, когда граждане имеют право на свободу выбора и исповедания религии, а также на свободное выражение своих религиозных убеждений. При этом религиозные институты обладают независимостью в управлении своими внутренними делами и принятии религиозных решений;

— в-третьих, разграничение функций церкви и государства. При такой системе государство придерживается принципа невмешательства во внутренние дела религиозных организаций, а сами они не участвуют в принятии государственных решений.

Государство обеспечивает защиту прав и интересов религиозных меньшинств и предотвращает дискриминацию на религиозной почве. Государственная национальная политика пропагандирует и поддерживает политику толерантности и взаимопонимания между религиозными группами и верующими.

Политизация религиозного аспекта государственного суверенитета. Попытка Соединенных Штатов Америки политизировать права на свободу совести и свободу вероисповедания через формирование религиозно-политических ярлыков и прямого вмешательства в суверенную политику Российской Федерации обусловила необходимость определения религиозного аспекта государственного суверенитета [27].

В средствах массовой информации и научной литературе приводятся сведения об участии новых религиозных движений, финансируемых западными странами, в протестных акциях — вплоть до захвата власти, как это было в 2014 г. на Украине. Так, пастор церкви «Новое поколение» (г. Киев), входящей в международное движение с одноименным названием, Ю. Шмуляр помогал укреплять баррикады демонстрантов на Крещатике, а адепты организации «Посольство Божье» заявляли, что намереваются выйти на Майдан [28]. В других городах Украины новые религиозные движения также поддержали «Евромайдан» и силовой захват власти.

Особенно опасны религиозные организации и ложнорелигиозные организации экстремистской ориентации. Существуют политические и террористические технологии подмены религиозных организаций экстремистскими, в которых религиозный культ сменяется деятельностью, направленной на подрыв государственного строя. Министерством

юстиции РФ сформирован обширный список религиозных экстремистских организаций, в который на конец 2023 г. включены 104 организации [29]. Вызывают также опасения деструктивные религиозные группы, направленные на разрушение личности, семьи и традиционных ценностей [30, с. 23].

Безусловно, основой суверенитета Российской Федерации является Конституция страны. Фундаментальным изменением в 2020 г. [31] стало введение п. 2 в ст. 67.1, согласно которому «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [32]. Признание веры в Бога конституционной ценностью в условиях светского государства соответствует принципам свободы совести и свободы вероисповедания, когда каждый гражданин имеет право придерживаться определенных религиозных убеждений.

В Конституции РФ закреплена также такая религиозная норма, как запрет дискриминации по религиозному и национальному признаку. Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Данные нормы получили свое развитие как в федеральном, так и региональном законодательстве Российской Федерации и создают прочный юридический фундамент защиты религиозных прав и свобод, хотя в докладах Государственного департамента США содержится критика российской политики и нормативного поля в области свободы совести и свободы вероисповедания. В частности, Россия осуждается за признание нежелательными на ее территории организаций сайентологов и запрет общества «Свидетели Иеговы». В 2017 г. решением Верховного Суда РФ «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» был признан экстремистской организацией, а вся деятельность организации, включая работу ее интернет-сайтов и всех региональных отделений, объявлена вне закона. Кроме того, Верховный Суд РФ запретил деятельность ряда исламских организаций, признав их экстремистскими, в том числе «Хизб ут-Тахрира», «Нурджулара» (русская

транслитерация турецкого слова, означающего «последователи Саида Нурси»), «Таблиги Джамаат» и Исламской общины файзрахманистов. Эти объединения включены в Федеральный список экстремистских организаций [33].

В докладе американских экспертов в рекомендациях под словосочетанием «поддержка повышения уровня свободы вероисповедания в России» понимается «поддержка интересов США в оказании всесторонней помощи аффилированным религиозным организациям, пагубно влияющим на российское общество».

В упомянутых документах имеются и голословные обвинения: «... государство предоставляло РПЦ привилегии, которых другие церкви и религиозные объединения были лишены, такие, например, как право участвовать в обсуждении проектов закона и расширенный доступ к государственным учреждениям» [33]. В России существуют консультативные советы при главах регионов, на заседания которых приглашают представителей всех религиозных организаций, где те вправе поднимать любые вопросы. Они также могут принимать участие в обсуждении законопроектов на региональном и федеральном уровнях.

Однако в докладах Государственного департамента США не порицается Указ Президента Украины о внесении Кабинетом министров закона, запрещающего религиозным организациям, которые «аффилированы с центрами влияния в Российской Федерации», действовать на Украине. По своей сути это прямая дискриминация религиозной организации не по практической деятельности, а по национальному признаку, что является прямым нарушением норм международного права. В соответствии с перечисленными рисками в задачи компетентных органов Российской Федерации входит не только развитие религиозных прав и свобод на территории страны, но и защита религиозных организаций, принадлежащих «Русскому миру», за ее пределами.

Таким образом, конституционные основы религиозного суверенитета в Российской Федерации формируют базис для религиозной безопасности и религиозного суверенитета: во-первых, это защита граждан от деструктивного влияния религиозных и псевдорелигиозных организаций; во-вторых — развитие религиозных прав и свобод граждан и организаций как на территории страны, так и за ее пределами.

Механизмы защиты государственного суверенитета в религиозной сфере. Существует ряд механизмов и инструментов правовой защиты государственного суверенитета. Наиболее эффек-

тивными из них являются те, в которых задействованы институты гражданского общества с входящими в них религиозными организациями [34, с. 43].

Важным инструментом защиты государственного суверенитета выступает взаимодействие Министерства иностранных дел РФ с основными традиционными религиозными организациями, главным образом с Русской православной церковью Московского патриархата (РПЦ), так как именно РПЦ в существенной степени является основным проводником концепции «Русского мира».

РПЦ — активный участник Совета по правам человека в ООН, Совете Европы, ОБСЕ, Европейском суде по правам человека. Специальный докладчик ООН по вопросам свободы вероисповедания или убеждений регулярно осуществляет мониторинг соблюдения этих прав в различных странах. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) также обладает механизмом по защите религиозных прав и свобод: следит за соблюдением этих прав в странах-членах и разрабатывает рекомендации по улучшению ситуации. Совет Европы опирается на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, гарантирующую свободу религии и вероисповедания. В функции Европейского суда по правам человека входит рассмотрение жалоб от лиц, чьи религиозные права нарушаются [35, с. 269].

Весьма плодотворна работа международных некоммерческих организаций по защите прав на свободу вероисповедания: Всемирного русского народного собора, Межпарламентской ассамблеи православия, Ассоциации религиозной свободы, Межрелигиозного совета России.

Следует учитывать также полезный опыт прозападных организаций, например, Международного альянса религиозных идей и вероисповеданий (IRLA). Деятельность этой некоммерческой организации посвящена защите религиозной свободы в мире и налаживанию сотрудничества с правительствами, религиозными организациями и другими заинтересованными сторонами. Она была создана лидерами Церкви адвентистов седьмого дня в 1893 г. для кампании за свободу вероисповедания для всех, когда опасность ограничений со стороны «синих законов» стала очевидной. Ее штаб-квартира находится в Силвер-Спринг (Мэриленд, США).

Международная комиссия по свободе вероисповедания (USCIRF) занимается мониторингом и рекомендациями по вопросам свободы вероисповедания за рубежом. По сути, это проамериканская комиссия федерального правительства США, созданная в соответствии с Законом

о международной свободе вероисповедания (IRFA) в 1998 г. Политическая коллизия заключается в том, что комиссаров USCIRF назначают Президент США и руководство обеих политических партий в Сенате и Палате представителей без участия других стран. Основными обязанностями USCIRF являются рассмотрение фактов и обстоятельств нарушений свободы вероисповедания на международном уровне и выработка политических рекомендаций. Соответственно, все решения органа будут политически аффилированными.

В настоящее время достаточно актуальным является воздействие на формирование международных индексов религиозной свободы, так как нередко они носят необъективный и односторонний характер. Наиболее авторитетные индексы:

1. Глобальный индекс преследований христиан (Global Index of Christian Persecution [36]). Составляется ежегодно агентством «Открытые двери» (Open Doors), оценивающим уровень преследования христиан в различных странах мира;

2. Рейтинг свободы вероисповедания (Religious Freedom Index [37]). Публикуется институтом Pew Research Center, который проводит исследования и анализ ситуации с религиозной свободой в различных странах мира;

3. Международный рейтинг свободы вероисповедания (International Religious Freedom Index [38]). Представлен в отчете Министерства иностранных дел США (U.S. Department of State), где приводится оценка ситуации с религиозными правами и свободами в различных странах.

Заключение. Используя концепцию защиты государственного суверенитета сквозь призму религиозного фактора в условиях глобальной политизации религии, следует отметить, что проработка религиозного аспекта государственного суверенитета весьма значима в государственной национальной политике как на нормативном, так и на теоретико-научном уровне. Это позволит стране определять свою конфессиональную политику в соответствии с национальными, культурными и правовыми традициями и транслировать ее мировым партнерам. Религиозный элемент государственного суверенитета представляет собой основу для осуществления самостоятельного управления в сфере религии без внешнего вмешательства. Только при полном суверенитете государство вправе определять собственную религиозную политику, устанавливая отношения между религиозными группами и государством, а также регулировать внутреннюю религиозную деятельность. Дифференциация этих отношений

возможна в ходе формальных и неформальных институциональных взаимодействий. Граждане приобретают право на свободу выбора и исповедания религии, а также на свободное выражение своих религиозных убеждений при условии отделения института церкви от государства. Защита полного религиозного суверенитета возможна за счет государственной политики, направленной на развитие религиозных организаций как институтов гражданского общества в системе социального партнерства с государством. Данные институты подлежат включению в работу международных организаций, международную информационную повестку и способны оказывать влияние на формирование международных индексов религиозной свободы.

Список источников

1. Пчелинцев А.В. К вопросу о правовом определении понятий «религия» и «традиционная религия» // Юрист. 2012. № 5. С. 56–59. EDN: PEZWZX.
2. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 111 с.
3. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. 168 с.
4. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета. М.: Норма, 2017. 608 с.
5. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Продченко И.А., Усманов Д.И. Экономический суверенитет государства в цифровой эпохе: теоретические и прикладные аспекты. М.: РУСАЙНС, 2022. 240 с.
6. Конуров А.И. Государственный суверенитет в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2012. 41 с.
7. О безопасности: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417>.
8. Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2–6. EDN: ISGNYZ
9. Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. URL: https://royallib.com/book/dugin_aleksandr/osnovi_geopolitiki.html
10. Черняк Л.Ю. Общетеоретические проблемы государственного суверенитета в федеративных государствах. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2009. 162 с.
11. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с.
12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>
13. Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М.: Аргатак-медиа, 2013. 240 с.
14. Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в

целях достижения технологического суверенитета: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22 февр. 2023 г. № 71-СФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/>

15. Лейба Г. Правительство утвердило перечень приоритетных отраслей для достижения технологического суверенитета. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5939507>

16. Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 5. С. 12–22. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-12-22. EDN: VEETIV.

17. Байдинов К.Г. Духовный суверенитет как ценность российской государственности // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 97–104. DOI: 10.34823/sgz.2021.4.51634. EDN: UCKTZZ.

18. Байдинов К.Г. Духовный суверенитет современной России: состояние и приоритеты укрепления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ФГКБОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского», 2023. 20 с.

19. Тарасевич И.А. Конституционно-правовые проблемы признания религиозного сообщества традиционным в контексте обеспечения религиозной безопасности РФ // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 28–34. EDN: OYHFPT.

20. STORAGE: журнал. URL: <https://www.jstor.org/>

21. Религия, государство и общество. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/crss20>

22. Политика и религия: журнал. URL: <https://www.politicsandreligionjournal.com/>

23. Фонд защиты прав человека. URL: <https://hrf.org>

24. Центр религиозной свободы (CRL). URL: <https://www.law.edu/academics/centers/center-for-religious-liberty/>

25. Международный журнал религиозной свободы. URL: <https://iirf.global/>

26. Государственный суверенитет России: религиозный аспект, 2019. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/11072019>

27. Доклад Государственного департамента США о международной свободе вероисповедания за 2022 г. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/>

28. Рогатин В.Н. Участие неохристианских религиозных движений в современной политической жизни Украины // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-neohristianskih-religioznyh-dvizheniy-v-sovremennoy-politicheskoy-zhizni-ukrainy>

29. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822> (дата обращения: 01.11.2024).

30. Мещерякова А.Ф. Дискуссионные вопросы употребления термина «секта» в юриспруденции // Современное право. 2013. № 6. С. 29–32. EDN: QBPYHB.

31. Руденко В.В. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4. С. 71–83. DOI: 10.35231/18136230_2020_4_71. EDN: MQEEVG.

32. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

33. Доклад Государственного департамента США о свободе вероисповедания за 2020 г. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/our-relationship-ru/official-reports-ru/irfr-2020-ru/>

34. Белов В.Б. Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран. М.: Весь Мир, 2018. 204 с.

35. Величко А.М., Тарасевич И.А. Религиозная безопасность и социализм в контексте развития российского конституционализма // Современный ученый. 2023. № 2. С. 269–276.

36. Всемирный список наблюдения 2024. URL: <https://www.opendoors.org/en-US/persecution/countries/>

37. Глобальный спектр данных о свободе вероисповедания. URL: <https://iirf.global/global-religious-freedom-data-spectrum/>

38. Доклад о международной свободе вероисповедания за 2022 г. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/>

Сведения об авторе

МАКОВСКИЙ Андрей Андреевич,

кандидат политических наук,
доцент кафедры управления
Псковского государственного
университета,
Псков, Россия
aamakovsky@mail.ru

Статья поступила в редакцию
15.10.2024

Одобрена после рецензирования
17.12.2024

Принята к публикации
10.01.2025

The author

Andrey A. MAKOVSKY,

Candidate of Political Sciences,
Docent at the Management Department,
Pskov State University,
Pskov, Russia
aamakovsky@mail.ru

The article was submitted
08.12.2024

Approved after reviewing
10.01.2025

Accepted for publication
17.01.2025